

ISSN: 1814 - 6961
E-ISSN: 2788-9718

ОТАН ТАРИХЫ

ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ

Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2021, № 4 (96)

4 /2021

Бас редактор
Қабылдинов Зиябек Ермұханұлы

Редакциялық алқа

Абдырахманов Толобек Абылович – тарих ғылымдарының докторы, профессор, И. Арабаев атындағы Қырғыз Мемлекеттік университетінің ректоры (Қырғызстан).

Аязан Бүркітбай Ғелманұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Мемлекет тарихы институты директорының орынбасары (Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан).

Әбусейітова Меруерт Қуатқызы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі. Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының тарихи материалдарды зерттеу жөніндегі республикалық орталығының директоры, ЮНЕСКО-ның «Ғылым және руханият» кафедрасының меңгерушісі (Алматы қ., Қазақстан).

Әбіл Еркін Аманжолұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Мемлекет тарихы институтының директоры (Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан).

Әжіғали Серік Ескендірұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Шығыс елдері архитектурасы Халықаралық академиясының корр.-мүшесі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас ғылыми қызметкері (Алматы қ., Қазақстан).

Әлімбай Нұрсан – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік музейінің директоры (Алматы қ., Қазақстан).

Жұмағұлов Қалқаман Тұрсынұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, «Дүниежүзі тарихын зерттеу орталығының» директоры, Геттинген университетінің (Германия) құрметті профессоры (Алматы қ., Қазақстан).

Смағұлов Оразақ Смағұлұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Италияның Болонья Ғылым Академиясының мүше корреспонденті, ҚР Ұлттық музейінің физикалық антропология лабораториясының меңгерушісі (Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан).

Кудряченко Андрей Иванович – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Украина Ұлттық ғылым академиясының Дүниежүзі тарихы институтының директоры (Украина).

Көмеков Болат Ешмұхамедұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің Қыпшақтану Халықаралық институтының директоры, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразиялық Ұлттық университетінің профессоры (Алматы қ., Қазақстан).

Любичанковский Сергей Валентинович – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Орынбор Мемлекеттік Педагогикалық университетінің Ресей тарихы кафедрасының меңгерушісі (РФ)

Мұхтар Әбілсейіт Қапизұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, «Сарайшық» Мемлекеттік тарихи-мәдени қорығының директоры, (Атырау қ., Қазақстан).

Петер Финке (Dr. Peter Finke) – PhD, Макс Планк атындағы Институт, Цюрих университеті (Швейцария)

Сыдықов Ерлан Бәтташұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ректоры (Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан).

Уяма Томохико – PhD, Хоккайдо университетінің Славян-Еуразиялық зерттеулер орталығының профессоры (Жапония).

Жауапты редактор

Құдайбергенова Айжамал Ибрагимқызы

Ғылыми редактор

Қозыбаева Махаббат Мәлікқызы

Жауапты хатшы

Мурзаходжаев Қуаныш Мәдиұлы

Техникалық хатшы

Зикирбаева Венера Серікқызы

Главный редактор
Кабульдинов Зиябек Ермуханович

Редакционная коллегия

Абдырахманов Толобек Абылович – доктор исторических наук, профессор, ректор Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева (Кыргызстан)

Абусеитова Меруерт Хуатовна – доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. НАН РК, директор Республиканского центра по изучению исторических материалов Института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова, заведующая кафедрой ЮНЕСКО «Наука и духовность» (г. Алматы, Казахстан)

Алимбай Нурсан – кандидат исторических наук, профессор, директор Центрального государственного музея Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан).

Абиль Еркин Аманжолович – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории государства (г. Нур-Султан, Казахстан)

Аяган Буркитбай Гелманович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории государства, (г. Нур-Султан, Казахстан)

Ажигали Серик Ескендирович – доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. Международной академии архитектуры стран Востока, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (г. Алматы, Казахстан)

Жумагулов Калкаман Турсынович – доктор исторических наук, профессор, почетный профессор Гёттингенского университета в Германии, директор Республиканского научно-исследовательского центра по изучению всемирной истории Казахского национального университета имени аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан)

Исмагулов Оразак Исмагулович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, член-корр. Болонской АН (Италия), заведующий лабораторией физической антропологии Национального музея РК (г. Нур-Султан, Казахстан)

Кудряченко Андрей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор Института всемирной истории Национальной академии наук Украины (Украина)

Кумеков Болат Ешмухамбетович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, директор Международного института кипчаковедения Казахского национального университета имени аль-Фараби, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (г. Алматы, Казахстан)

Любичанковский Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета (Россия)

Мухтар Абилсейит Капизулы – доктор исторических наук, профессор, директор Государственного историко-культурного музея-заповедника «Сарайшық» (г. Атырау, Казахстан)

Петер Финке (Dr. Peter Finke) – доктор PhD, Институт Макса Планка, университет Цюриха (Швейцария)

Сыдыков Ерлан Батташевич – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, ректор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Казахстан)

Уяма Томохико – PhD, профессор Центра славянско-евразийских исследований Университета Хоккайдо (Япония)

Ответственный редактор

Кудайбергенова Айжамал Ибрагимовна

Научный редактор

Козыбаева Махаббат Маликовна

Ответственный секретарь

Мурзаходжаев Куаныш Мадиевич

Технический секретарь

Зикирбаева Венера Сериковна

Chief editor
Kabuldinov Ziyabek Yermukhanovich

Members of editorial board

Abdyrakhmanov Tolobek Abylovich – doctor of historical sciences, professor. Rector of I. Arbaev Kyrgyz State University (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abuseitova Meruert Huatovna – doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of National Academy of Science Republic of Kazakhstan, Director of the Republican Center for the Study of Historical Materials of the Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov, Head of the UNESCO Department “Science and Spirituality” (Almaty, Kazakhstan)

Alimbay Nursan – candidate of historical sciences, professor, Director of the State Museum Republic of Kazakstan (Almaty, Kazakhstan)

Abil Yerkin Amanzholuly – doctor of historical sciences, professor, director at Institute of history of the state (Nur-Sultan, Kazakhstan)

Ayagan Burkitbai Gelmanovich – doctor of historical sciences, professor, deputy director at Institute of history of the state (Nur-Sultan, Kazakhstan)

Azhigali Serik Eskendirovich – doctor of historical sciences, professor, corresponding member of eastern countries international academy of architecture, chief researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ehnology (Almaty, Kazakhstan)

Zhumagulov Kalkaman Tursunovich – doctor of historical sciences, academician, professor at Al-Farabi Kazakh National University. Director of the Research Center on World History Studies. Emeritus Professor of German Göttingen University (Almaty, Kazakhstan)

Ismagulov Orazak Ismagulovich – Doctor of Historical Sciences, professor, academician of the National Academy of Sciences of the Kazakhstan Republic, member-correspondent of Bologna Academy of Sciences (Italy), head of the laboratory of Physical Anthropology of the National museum of Kazakhstan Republic (Nur-Sultan, Kazakhstan)

Kudriachenko Andrey Ivanovich – doctor of historical sciences, professor, director of Institute of World History of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine)

Kumekov Bolat Yeshmukhameduly – doctor of historical sciences, professor, National Academy of Science Republic of Kazakhstan, director at International Institute of Kipchak Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

Sergey V. Lyubichankovskiy – doctor of historical sciences, professor, Head of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University (Russia)

Mukhtar Abilsseit Kapizuly – doctor of historical sciences, professor, director of the State Historical and Cultural Museum-Reserve “Sarayshyk” in Atyrau (Atyrau, Kazakhstan)

Peter Finke – PhD, Max Planck Institute, University of Zurich (Switzerland)

Sydykov Yerlan Battashevich – doctor of historical sciences, professor, National Academy of Science Republic of Kazakhstan. Rector of the L.N. Gumilev Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan)

Uyama Tomohiko – PhD, professor at Slavic Research Center, Hokkaido University (Japan)

Executive Editor

Kudaibergenova Aizhamal Ibragimovna

Executive Secretary

Murzakhodzhayev Kuanysh Madievich

Scientific Editor

Kozybayeva Makhabbat Malikovna

Technical secretary

Zikirbayeva Venera Serikovna

Редакцияның мекен-жайы:

050100, Қазақстан Республикасы,
Алматы қ., Шевченко көшесі, 28,

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты,

«Отан тарихы» журналының редакциясы

Телефон: +7 (727) 272-46-54

E-mail: Otanhistory@gmail.com

Электрондық мекен-жай:

<http://infohistory.info>

Журнал 1998 жылдан бастап шығады.

Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде

1998 ж. 9 наурызда тіркеліп, N 158-ж кәуәлігіне ие болды.

Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да көшірмелерге түсіргенде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА ТРАДИЦИОННУЮ КУЛЬТУРУ КИТАЙСКИХ МУСУЛЬМАН (ДУНГАН) В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

Имярова Зулфия Сулеймановна^{1*} ID, Джон Али Алиевич²

¹Университет Нархоз, Алматы, Казахстан.

²Центр дунгановедения и китаистики Института истории, и культурного наследия Национальная академия наук Киргизской Республики.

*Автор-корреспондент

E-mail: zulfiya.imyarova@narхоз.kz (Имярова), djon.ali.a@gmail.com (Джон)

Аннотация. Данная статья посвящена экономической и социокультурной адаптации дунган в Центральной Азии с конца 19 века и до распада СССР. Традиционная культура этнической группы дунган, переселившихся в данный регион из северо-западных провинций Китая в 1870-1880 годах, имела все признаки культуры прежних мест проживания и они в значительной мере отличалась от окружающих народов Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана как по языку, так и по материальной культуре, и хозяйственной деятельности. Со временем дунгане освоили языки местных народов, переняли некоторые их традиции, обычаи и адаптировались к ценностям, нормам, образа жизни принимающей стороны и идентификацию с новой средой. Тем самым произошёл процесс интеграции (аккультурации), заключающаяся в сохранении малыми этносами своей культуре и параллельной интернализации ими инокультурных атрибутов.

Ключевые слова: китайские мусульмане, дунгане, социокультурная адаптация, миграция.

Статья выполнена в рамках реализации научного проекта «Устная история миграции 1950-1970-х гг. из Китая в Казахстан», грант министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН АР08856732.

ГТАМР 03.61.91

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ҚЫТАЙ МҰСЫЛМАНДАРЫНЫҢ (ДҮНГЕН) ДӘСТҮРЛІ МӘДЕНИЕТІНЕ ЭТНИКАЛЫҚ ОРТАНЫҢ ӘСЕРІ.

Имярова Зулфия Сулеймановна^{1*} ID, Джон Али Алиевич²

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан.

²Қырғыз Республикасының Ұлттық Ғылым академиясы Тарих және мәдени мұра институтының донгантану және қытайтану орталығы.

*Автор-корреспондент

E-mail: zulfiya.imyarova@narхоз.kz (Имярова), djon.ali.a@gmail.com (Джон)

Түйіндеме. Бұл мақала дүнгендердің 19 ғасырдың аяғы мен КСРО ыдырағанға дейінгі Орталық Азиядағы экономикалық және әлеуметтік-мәдени тұрғыдан бейімделуіне арналған. XIX ғасырдың соңында Қытайдың солтүстік-батыс провинцияларынан осы аймаққа қоныс аударған дүнген этникалық тобының дәстүрлі мәдениеті бұрынғы тұрғылықты жерлерінің мәдениетінің барлық белгілеріне ие болды. Олар Қырғызстан, Қазақстан және Өзбекстанның айналасындағы халықтардан тілі жағынан да, материалдық мәдениеті жағынан да, экономикалық қызметі жағынан да айтарлықтай ерекшеленді. Уақыт өте келе дүнгендер жергілікті халықтардың тілдерін игерді, олардың кейбір дәстүрлерін, әдет-ғұрыптарын қабылдады және қабылдаушы тараптың құндылықтарына, нормаларына, өмір салтына және жаңа ортамен сәйкестендіруге бейімделді. Осылайша, шағын этностардың өз мәдениетін сақтауы және басқа да шетелдік мәдени атрибуттарды қатар игеруінен тұратын интеграция (аккультурация) процесі жүрді.

Кілт сөздер: Қытай мұсылмандары, дүнгендер, әлеуметтік-мәдени бейімделу, көші-қон.

THE IMPACT OF THE ETHNIC ENVIRONMENT ON THE TRADITIONAL CULTURE OF CHINESE MUSLIMS (DUNGAN) IN CENTRAL ASIA.**Imyarova Zulfiya Suleymanovna¹*ID, John Ali Alievich²**¹Narxoz University, Almaty, Kazakhstan.²Center of Dungan Studies and Sinology of the Institute of History and Cultural Heritage of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic.

*Corresponding author

E-mail: zulfiya.imyarova@narxoz.kz (Imyarova), djon.ali.a@gmail.com (John)

Abstract. This article is devoted to the economic and socio-cultural adaptation of the Dungans in Central Asia from the end of the 19th century till the end of the Soviet Union. The traditional culture of the Dungan ethnic group, who migrated to the region from the northwestern provinces of China at the end of the XIX century, had all the signs of the culture of the former places of residence and they differed significantly from the surrounding peoples of Kyrgyzstan, Kazakhstan and Uzbekistan both in language and in material culture, and economic activities. Over time, the Dungans mastered the languages of local peoples, adopted some of their traditions, customs and adapted to the values, norms, lifestyle of the host country and identification with the new environment. Thus, there is a process of integration (acculturation), which consists in the preservation of small ethnic groups of their culture and the parallel internalization of foreign cultural attributes.

Key words: Chinese Muslims, Dungans, socio-cultural adaptation, migration.

Введение. Вопросы межэтнического и межкультурного взаимодействия всегда были актуальны для полиэтнических государств таких как Казахстан и Кыргызстан, в котором сейчас проживают более 80 этносов в КР и 130 этносов в РК. Такая этнокультурная мозаика (Шатц, 2000:76) обусловлено различными политическими и историческими факторами: насильственным переселением, вынужденной миграцией китайских мусульман из соседнего Китая в 1870–1880-х гг. в., политикой Российской империи по заселению окраин, массовыми репрессиями и депортациями в первой в 1930-1940х гг. при Сталине и переселенческой политикой СССР во время целинной кампании 1950-х годов. Оказавшись в инокультурной среде переселенцам в первую очередь пришлось пройти через этнокультурную адаптацию, представляющий собой сложный, многосторонний и многогранный процесс в котором с одной стороны предполагалось привыкнуть и приспособиться к новым реалиям, а с другой сохранить свои этническую идентичность и язык. Одним из переселенцев оказались дунгане, которые являются потомками народа хуэйзу, мигрировавшие на территорию современной Центральной Азии из Китая в конце XIX в. после поражения в восстании против династии Цин. Официально в СССР этноним «дунгане» вошел в употребление в процессе национально-государственного размежевания в Средней Азии (начавшегося в 1924 г.) для обозначения китайскоговорящих мусульман. В китайских академических кругах слова Dungan ren (东干人) и Dunganzu (东干族) относятся только к дунганскому народу бывшего Советского Союза. У дунган есть своя письменность, которая была разработана на основе латинского алфавита в 1933 г., а затем в 1955 г. переведена на кириллицу. В 1956 г. были изданы первые школьные учебники дунганского языка и литературы для дунганских детей (Имазов, 2009:159)

Дунгане, переселившиеся на территорию современного Казахстана и Киргизии и оказавшись в среде мусульман-единоверцев, дунгане довольно быстро переняли некоторые элементы материальной и духовной культуры местных народов, включая религиозное обучение в мусульманских мектебах, которые были единственной формой обучения дунган (Маджун-Мусарова, 2017:). Однако, в Китае, синкретизм исламской религии (и связанного с ней образа жизни) с одной стороны, а также китайский язык и культура – с другой стороны, создали специфическую общность, осознающей себя в качестве самостоятельного этноса, отличавшегося от другого населения. В процессе межэтнических контактов этим отличием, в первую очередь, являлся язык дунган, который относится к сино-тибетской группе и не был родственным ни одному из языков окружающих народов. Языковая проблема стала одним из главных проблем для успешной интеграции переселенцев так как она являлась препятствием для экономической и культурной адаптации дунган поэтому освоение языков местного населения стало жизненной необходимостью для данной группы.

Цель и задачи исследования в соответствии с исследовательской составляющей определены цель и задачи исследования. Цель данной статьи исследовать влияние этнокультурного принимающего сообщества на традиционную культуру китайских мусульман (дунган).

Задачи исследования: 1) проанализировать влияние новых атрибутов культуры на трансформацию традиций и обычаев дунган и изменение их социальных ролей.

2) выявить закономерности проявления разных культурных традиций в обрядах дунган, возникшие в результате взаимодействия представителей различных этносов.

3) Исследовать особенности социально-культурной адаптации дунган в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане.

Материалы и методы. Концепция социального конструктивизма послужила методологической основой данной работы (Бергер и Лукман, 1966). Согласно данной концепции человек, благодаря своим усилиям, научился жить среди других людей, несмотря на существующие исторические и культурные различия, постоянно приспосабливаясь к меняющимся условиям жизни. Таким образом, социальный конструктивизм рассматривает этническую идентичность как множественный характер, который непостоянен, изменчив, искусственно сконструированное и подразумевающий возможность выбора т.е. человек избирательно подходит к выбору социального конструкта, он может принимать одни и отвергать другие.

Материалы собраны на основе многолетних полевых этнографических исследований, архивных данных и интервью как основной метод исследования в устной истории.

Обсуждение. В период конца 19 века вплоть до 1930-х годов характеризуется отсутствием специальных исследований, посвященных дунганам, поэтому информация собиралась по различным отчетам и воспоминаниям чиновников, военных, врачей и учителей, которые сталкивались с первыми поселенцами. Так два из ранних работ, рассматривающих особенности духовной и материальной культуры дунган, принадлежат врачам Ф. Пояркову (1901, 1907), (Федоров, 1903), военному (Селицкий, 1904) и учителям (Цибузгин и Шмаков, 1909). Они предоставляют ценную информацию об образе жизни, хозяйственной структуры, и мировоззрения первых дунган в Российской империи. Начиная с 1930-х годов ряд этнографов посвятили свои исследования изучению обычаев, традиций и религиозных обрядов дунган в советской Центральной Азии (Стратанович, 1950), (Гарин, 1952), (Толстов, 1963). (Решетов, 1972). В своих монографиях профессор М. Сушанло дал яркое и полное описание особенности дунганских традиций и культуры в различных частях советской Средней Азии (Сушанло, 1971). Однако, следует заметить, что «исследования Советского периода отличаются описательным подходом и определенными идеологическими рамками, присущими советской модели этнографии. В этой связи примечательным является мнение, что любые изменения в дунганском обществе происходили под влиянием советской власти» (Имярова, 2019). Китайский исследователь, Дин Хун, считает, что в отличие от других мусульманских групп дунганский народ унаследовал некоторые черты ханьской культуры, (Ding Hong, 2005). Также, по её мнению, дунгане, вначале этнически, не были связаны между собой, они были объединены религиозной принадлежностью (Дин Хун, 2002:76). Другой китайский ученый утверждает, что китайцы называли дунган «сэмужэнь», что переводится как «разные люди» или по другой версии – «люди с разноцветными глазами», то есть люди разных народов (Линь Гань, 1954: 46). Савуров М. анализирует в своей работе дунганские пословицы и поговорки о семейных ценностях (Савуров, 2007), а Маджун-Мусарова исследует роль ислама и религиозного образования в жизни дунган в Центральной Азии (Маджун-Мусарова, 2017). Она отмечает, что «благодаря нынешней политике независимых государств Казахстана и Киргизстана, верующие дунгане имеют возможность более глубокого познания религии Истины, призывающей людей к благочестию, смирению и терпимости, способствуя установлению доброжелательных и добрососедских отношений между народами Центральной Азии» (Маджун-Мусарова, 2017:45)

Результаты. Достоверно известно, что в первую волну миграции происходило освоение кыргызского, казахского и узбекского языков, в первую очередь среди мужской части дунганского населения, как наиболее активной и мобильной категории осуществлявшей хозяйственную деятельность. Русский язык стал проникать в среду дунганской этнической группы на несколько десятилетий позже с появлением русско-туземных школ. Но и в этот период русский язык не имел такого широкого распространения среди дунган как тюркские языки, и только после введения обязательного школьного образования советской властью он стал постепенно занимать доминирующее положение. Вместе с тем, следует отметить, что кыргызский, казахский и узбекский языки остались языками межнационального общения в районах, где тюркское население составляло большинство. Так в Кыргызстане дунганское население Кочкорки, Ырдыка прекрасно владеют кыргызским языком, дунгане села Кызыл Шарк – кыргызским и узбекским языками, в Казахстане население дунганского села Джапак Тобе – казахским и узбекским языками, в городе Джаркенте преобладает знание казахского и уйгурского языков, в Узбекистане всё дунганское население хорошо владеет узбекским языком. В настоящее время государством и общественностью прикладываются усилия в освоении народами Казахстана и Кыргызстана языков государствообразующих народов. В период проживания дунган в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане появляется дефиниция «дунганский язык» прежде всего среди иноязычного населения

считавшего, что, если есть народ, то у него должен быть особый язык. Хотя согласно переписи населения Российской империи 1897 года язык дунган был зафиксирован как китайский (Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897).

Позднее, понятие дунганский язык (хуэйзү йүян) закрепилось в связи с появлением дунганской письменности и литературы данной этнической группы, на основе, первоначально, латинской, а затем кириллической графики. Литературным языком стал диалект ганьсуйской земляческой группы, так как представители этой группы создавали первые литературные произведения. Под влиянием окружающих народов увеличилось количество заимствований из тюркских и значительный пласт заимствований из русского языка. Параллельно с этим, из-за немногочисленности дунганского населения, и в следствии, употребления дунганского языка только в бытовой сфере, происходило сокращение лексического запаса активного словаря его носителей. Его носители зачастую не понимают своих соплеменников из КНР. Образовательные мероприятия в КНР способствовавшие распространению «путунхуа» - китайского литературного языка, отчасти стали причиной различий в языке дунган Центральной Азии с языком основного этнического массива дунган (хуэйцзу) проживающих в Китае, среди которых, более употребим «путунхуа».

Большой интерес для исследования представляют дунгане, переселившиеся в СССР из КНР во время второй волны миграции, которая пришлась на конец 1950х начало 1960х годов. Эти дунгане существенно отличались от своих местных собратьев. Они прекрасно владели узбекским, уйгурским и китайским языками и многие из них практиковали узбекские обычаи, и они являлись советскими гражданами со дня создания СССР. Тогда как же так получилось, что они мигрировали из Китая? Миграция 1950-1960-х гг. была связана с репатриационной политикой Советского Союза, который сразу после установления Китайской Народной Республики в 1949 г. начал вести переговоры о возвращении своих граждан из Синьцзяна и Маньчжурии. Советские граждане, населявшие Синьцзян, состояли не только из русских, украинцев, татар, но и из представителей местных народов, в том числе казахов, уйгуров, дунган. Выходцы из России (Советского Союза) дунганской национальности были представлены той группой населения, которая бежала в Синьцзян в результате восстания 1916 г. в Средней Азии, гражданской войны в Семиречье, а также в 1930-е гг., когда «коллективизация привела к невиданному в Великой степи бедствию, ставшему, по-сути, гуманитарной катастрофой глобального характера» (Токаев, 2021). Смертоносный голод 1930-1933 годов унёс жизни более 1,5 миллиона человек, четверть населения Казахстана (Камерон, 2018). В этих условиях многие приняли решение откочевать в соседний Китай. Наряду с казахами в Китай ушли немало уйгуров и дунган из Семиречья. Необходимо отметить, что некоторые дунгане переехали в Китай не только из Казахстана, но и Узбекистана из-за преследований по религиозному убеждению. В Синьцзяне дунгане в основном проживали в Кульдже или его окрестностях, преимущественно занимались земледелием и торговлей. Их дети ходили в уйгурские школы, а женщины занимались домашним хозяйством.

Миграция населения Синьцзяна в 1950-1960-е гг., инициированная советской политикой репатриации, была также вызвана выталкивающими факторами, в качестве которых выступали волюнтаристские экономические и социальные реформы в первые годы коммунистической власти в Китае, а также политические кампании, направленные против местного национализма. Дунгане Кульджинского края принимали активное участие в событиях, связанных с «восстанием трех округов» или национально-освободительной борьбой местных мусульманских народов Синьцзяна против китайского господства, приведшего к созданию в трех округах (Или, Тарбагатае и Алтае) «Восточно-Туркестанской Республики» (ВТР). В войне против гоминдановской армии тогда принимали участие кульджинские дунгане, которые имели свой дунганский полк в армии ВТР. В 1950-е гг. активисты ВТР, в том числе дунгане, подверглись преследованию со стороны коммунистической власти. Многие дунгане, занимавшие высокие посты в ВТР, вынуждены были покинуть Китай (к ним относились Ломиев, Явахунов и др.). Наши многочисленные интервью с бывшими мигрантами и их родственниками свидетельствуют, о том, что процессы коллективизации и создание народных коммун, происходящие в Китае, были направлены против интересов трудящихся масс (Интервью, 2021). В условиях ежедневного непосильного труда и полного обнищания они с большим энтузиазмом восприняли призывы Советского Союза вернуться на родину. С собой они привезли богатую кухню, традиции народов Китая и знание местных языков.

Говоря о переселении дунган в советские республики Средней Азии и Казахстан, следует также сказать, что миграция 1950-1960-х гг. в конечном итоге вылилась в массовое бегство населения приграничных районов Синьцзяна в Казахстан в мае 1962 г. (Кларк и Камалов, 2004). Возвращение дунган в Казахстан благоприятно отразилось на развитии дунганской культуры и интеграцию дунган в советский социум: дети мигрантов пошли в русские и казахские школы и тем самым успешно интегрировались в местную культурно-языковую среду.

В настоящее время многие представители дунганского этноса официальные речи или пространные выступления перед большим количеством народа предпочитают произносить на

русском, кыргызском или казахском языках, среди жителей городов появились дети из дунганских семей слабо владеющие родным языком и предпочитающие общаться на русском или государственных языках. Очень часто молодые люди данной этнической группы в разговоре между собой переходят на русский или на один из тюркских языков. В то же время дунгане - сельские жители, проживающие в населённых пунктах, где дунгане составляют большинство, родной язык сохранился на достаточно хорошем уровне. Здесь следует отметить, что в 1980-1990х гг. в китаезычной литературе дунгане обозначаются экзоэтнонимом 东干 (dungan), в то время как сами дунгане продолжают обозначать себя эндоэтнонимом 回族 (huizu). Соответственно с этими дефинициями обозначается и их язык – в КНР: 东干语言 (dungan yuyan), а среди дунган ЦА «хуэйзү йүян» (回族语言 huizu yuyan), в то время как последнее выражение в Китае существует только для обозначения группы языка «хуэйхуэй», проживающей на острове Хайнань близ города Санья, обозначаемой иероглифами - 回辉族 (huíhuī zú) и соответственно говорящих на回辉话- huíhuīhuà, который относится к цатским языкам чамской группы. Разность в этнонимах и обозначении языка на когнитивном уровне внедряет в сознание дунган ЦА мысль об отличительности их этнической группы от основного этнического массива, частью которого они продолжают себя осознавать.

Другой отличительной чертой дунган, выделявшей их от местных народов Центральной Азии, была одежда и соответствующий ей внешний вид. Традиционной одеждой дунган в первые годы после миграции была длиннополый прямой халат, широкие штаны и обувь из ткани. Для мужчин были характерны войлочные головные уборы с широкой чёрной полосой, отличавшиеся от войлочных колпаков кыргызов и казахов. Некоторые мужчины, продолжавшие осуществлять связь с Китаем тайно носили под головным убором маньчжурские косы, для того чтобы не выделяться на фоне населения сопредельной страны, которую они собирались посетить, соответственно косу такие люди прятали от окружающих в местах своего постоянного проживания. Для того чтобы воспрепятствовать незаконному перемещению через границу, ношение кос дунганам было запрещено властями русского Туркестана. Одежда китайско-маньчжурского типа под влиянием окружающих народов вскоре исчезла, в первую очередь у мужчин - дунган, в то время как у женщин она продолжала употребляться ещё длительное время и бытует в настоящее время в качестве наряда невесты. Повседневная одежда, как мужская, так и женская в настоящее время не отличается от одежды окружающих этнических групп и народов.

Традиционная планировка дунганских селений была основана на принципе «фон» (квартал, квадрат), строго ориентированным по сторонам света, с прямыми улицами. Подобная планировка в конце XIX века отличалась от русских поселений придорожного типа и от поселений местных народов, имевших планировку кучевого типа. Зачастую «фон» занимала одна семья, но, как правило, это была большая, неразделённая семья, где совместно проживали отец, мать и их женатые сыновья. «Фон» - квартал часто ассоциировался с понятием усадьба. В селениях конца XIX начала XX веков при обозначении той или иной части поселения, брали в основу родовое имя семьи, проживавшей здесь. Скажем «Ма жя фон», т.е. «квартал семьи Ма» и т. д. Этому способствовало то, что при заселении родственники предпочитали строить свои дома рядом. Поселения, возникшие в первой половине XX века после Октябрьской революции, формировались уже больше по придорожному типу. Способствовало этому, с одной стороны, ослабление роли патриархально-родового уклада жизни, т.е. участвовавшее деление большой семьи, а с другой стороны, - нехватка земельных площадей. Однако и они сохраняли изменённые принципы планировки «фон».

Говоря об изменениях в традиционной культуре, следует отметить, что в первые годы проживания в Центральной Азии дунганское жилище, в поселениях этой этнической группы было представлено длинным, каркасно-столбовым, беспотолочным типом, с двускатной уплощённой, земляной, бесстропильной крышей. Эти дома не имели оконных проёмов на улицу, и каждая комната была снабжена обогреваемой лежанкой каном (кон). Пол такого жилища также был глиняным, у зажиточной части населения он мог быть вымощен кирпичом. Деревянный каркас (му ма) дунганского дома придавал строению пространственную жёсткость, что было очень важно в регионе с повышенной сейсмичностью, и не однажды подтверждалось практикой (Зеланд, 1888:4). Позже, в связи с дефицитом лесоматериала в регионе, деревянный каркас при строительстве жилищ перестал быть конструктивной особенностью дунганских домов и постепенно исчез.

Под влиянием русского населения дунгане стали возводить дома со стропильной крышей крытой камышом или железом, в которых земляная крыша, утратив скаты, трансформировалась в потолок. Однако при этом планировка жилища осталась прежней – это были длинные дома, где комнаты располагались в одну линию и каждая сообщалась с соседней, и имела выход на земляную террасу. К концу 50-х в начале 60-х годов XX в. подобные жилища стали постепенно исчезать или перестраиваться. Их перекрывали железом, черепицей, шифером, застилали деревянными полами. После постройки новых домов старые использовали как кухни (хуэфон) (досл. хуэ – огонь; фон – дом, комната) или зохуэ (очаг) (Джон, 2016:137). Земляные террасы стали заменяться застеклёнными верандами.

Позже на смену длинных домов с комнатами, расположенными в одну линию, пришли многокамерные жилища с параллельным расположением комнат. Окна, некогда обращенные только во двор, в современных домах дунган выходят и на улицу. В настоящее время дома дунган по конструкции не отличаются от домов других народов данного региона. С повышением жизненного уровня стали строиться многоуровневые дома, в то время как раньше это считали невозможным не только по экономических причинам, но и в связи с отпращиванием религиозных ритуалов. Считалось, что, если сверху находится человек, особенно женщина, то на нижнем этаже нельзя совершать намаз. Современный многоуровневый индивидуальный дом может иметь удобства, включающие в себя ваннные комнаты, туалеты, в том числе и в сельской местности.

Во внутреннем убранстве из традиционных атрибутов в настоящее время остался только кан (кон), который находится в комнате для пожилых людей. Зачастую это уже не отапливаемая лежанка (хотя встречаются и отапливаемые), а деревянная софа присущая почти всем народам региона, где стоит обеденный стол на низких ножках, сундук с постельными принадлежностями. На кане, как правило, расстелен кыргызский войлочный цветной ширдак (хуа жан), ковёр или палас, ала кииз. В современном дунганском доме на стенах отсутствуют нарисованные хозяйкой традиционные лубки с символическими изображениями, украшавшие жилища ещё в 50-х – 60-х годах XX в. Остальные помещения жилища обставляются современной мебелью и не отличаются от убранства кыргызов, казахов, русских и других народов региона. Так же как сам дом внешне и конструкционно схож с домами всех народов Кыргызстана.

Другим отличительным элементом традиционной культуры в первые десятилетия, была хозяйственная деятельность, главными из которых было полеводство, огородничество и связанные с ними кустарные ремесла переработки сельскохозяйственной продукции. Зерновыми культурами, культивируемыми дунганскими земледельцами, были пшеница, рис, ячмень, гаолян. Однако рисоводство являлось главным занятием. Рис перерабатывался на многочисленных рисорушках и вывозился во многие регионы Туркестанского края. Позже, в связи с массовым оседанием местного населения и увеличением посевных площадей и соответственно увеличения потребления поливной воды и её нехватки в Чуйской долине, в конце 40-х начале 50-х годов XX века стал сокращаться объём выращивания риса, а в начале 60-х был прекращён вовсе. Выращивались также масляные культуры: сурепка, кунжут, позже подсолнух из которых отжимали масло (цэзыр ю, хума ю, гуазыр ю). Бахчевые культивируемые этой этнической группой шли не только для продажи в виде плодов, но и для производства «арбузного мёда» или патоки, из которой изготавливались сладости, семена переработанных арбузов реализовывались в виде жаренных семечек. Дунгане производили уксус из смеси пшеницы, сои, гаоляна (голён) и отрубей. В области огородничества, по признанию современников того времени, дунганские земледельцы были вне конкуренции. Ими были завезены многие огородные культуры незнакомые окружению: джуцай (жюцэ), пекинская капуста (быйцэ), длинные огурцы (хуонгуа), сорт дунганского перца (лазы) и др., некоторые из них по сей день выращиваются, по большей части, представителями этой этнической группы, такие, например, как спаржевый салат (сунзы), топинамбур (санйүэ), спаржевая фасоль (жёнду) и др. Огородничество по сей день в значительной мере отличает хозяйство дунган от остального населения.

Разведение крупнорогатого и мелко рогатого скота среди дунганского населения бытовало в виде стойлового содержания, со временем, там, где это возможно, стало практиковаться отгонное скотоводство.

Такие ремёсла как выделка растительного масла, крахмала, уксуса, сладостей постепенно исчезали в связи с появлением аналогичных товаров фабричного производства, вместе с тем изменилась специфичность этих продуктов. Скажем, если уксус дунганское население выделяло из бобовых и зерновых и имел свой специфичный вкус, то белый фабричный уксус отличался от него в этом. Сырьём для крахмала, изготавливавшегося дунганями, были бобы, в то время как фабричный, как правило изготавливался из кукурузы, или картофеля. Подобные вещи приводили к унификации продуктов, а, следовательно, стирались особенности применяемых продуктов, что приводило к вкусовой адаптации блюд этнической кухни к пище окружающего населения.

Однако в этой связи следует отметить, что пища, как элемент этнической культуры, явилась наиболее консервативной её частью и по составу применяемых продуктов, и по способу приготовления. Если воспринимать различия в культуре дунган и этнического окружения символически, как противоположные полюса, а сближение культур как линейное движение навстречу друг другу, то следует сказать, что изменения, произошедшие в области пищевых предпочтений, оказались не столь значительны. Более того, в ассортимент питания соседних народов вошли блюда дунганской кухни, которые в настоящее время воспринимаются ими как традиционные. Хотя нельзя не отметить, что в кухне дунган также появились заимствованные элементы из этнического окружения как в качестве повседневной пищи, так и праздничной. В качестве примера можно назвать такие блюда как плов, бешбармак, борщ и другие. Дунгане стали больше употреблять молочных продуктов, для большинства населения данной этнической группы стало считаться

допустимым употребления в пищу конины, хотя следует отметить, что существуют консервативные группы, которые по сей день считают её запретной по религиозным мотивам.

Другим элементом традиционной культуры, сохранившемся в быту дунганской этнической группы, является семейная обрядность в виде свадеб, обрезания и т.п. Изменения в этом сегменте, являющиеся маркером традиционной культуры, произошли в виде упрощения обычаев и ритуалов, появления тюркских названий для некоторых из них. Например, обычай приглашения и угощения друзей и родственников, которые должны помогать в приготовлении угощения и обслуживании гостей на свадьбе, традиционно назывался «гү дун» (назначение работников), теперь чаще может употребляется гибридное выражение «чы беш», состоящее из дунганского и кыргызского слова, то есть «кушать бешбармак», так как именно это блюдо чаще всего готовят для угощения этих людей, а у одной из групп этот же обычай называют «масляхат», т.е. «собрание». Но в целом данные элементы на практике отличаются от аналогичных реалий присутствующих у кыргызов, казахов, узбеков и создают особый колорит. В то же время, у отдельных групп дунган данные обряды стали полностью идентичны обрядам окружающего тюркского большинства. Например, дунгане села Кызыл Шарк Ошской области в своей обрядовой практике имеют сходство с кыргызским и узбекским населением, что связано с потерей ими дунганского языка, а также большей части комплекса традиционной этнической культуры. Значительное количество казахских и узбекских элементов в обрядовом комплексе этнической культуры дунган отмечено в селе Джалпак Тобе Жамбылской области Республики Казахстан.

Продолжает оставаться маркером этнической культуры религиозная практика дунганской этнической группы в центральноазиатских государствах бывшего СССР. Однако, она касается не самой религиозной практики, которая идентична с мусульманскими общинами других народов из-за принадлежности к ханафитскому мазхабу традиционно распространённому в данном регионе, а применением в проповедях дунганского языка. Кроме того, в проведении сопровождающих эти практики набором угощений, хотя и в этом отношении, в настоящее время, подаётся схожий набор блюд. Это, как правило – плов или бешбармак, боорсоки (казахск.: баурсаки), которые сопровождаются ритуальными масляными лепёшками «ющён», характерными только для дунган и обилием специфичных для дунган овощных блюд. При проведении похорон, у большинства мусульманских общин дунган отсутствуют поминальные трапезы в день похорон. В то же время общины, принадлежащие к «кадимитам» (ложё или ло гэдиму), т.е. к «старому учению» так же как соседние тюркские народы проводят поминальные трапезы в день похорон. Однако представители ло гэдиму, в отличие от сторонников «нового учения» не употребляют конину в пищу, считая её запретной. Кроме того, у дунган шэньсийской земляческой группы существует практика чтения разных частей всего текста Корана одновременно несколькими чтецами во время проведения поминок, что авторам настоящих строк не приходилось видеть в мусульманских общинах других народов Кыргызстана и Казахстана. Другой особенностью исповедания религии является принадлежность иссык-кульской группы дунган к суфийскому направлению ислама - «джехрие». Под влиянием окружающего кыргызского населения и их религиозной практики, это направление можно считать номинальным, так как в настоящее время сохранились лишь отдельные элементы особенностей религиозных отпавлений в русле суфийской идеологии.

Заключение. Таким образом, нами рассмотрены элементы этнической культуры дунган Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана, которые подверглись различной степени изменений, в зависимости от численности представителей группы и их инонационального окружения. В результате межэтнической интеграции группам, проживающим в Казахстане и на севере Киргизии удалось сохранить этнокультурные особенности. В то же время происходит активная адаптация, при которой сохраняются, свойственные каждой этнической группе, и в то же время для такого объединения характерны элементы общего самосознания, вхождения в общее «мы» (реальное или условное). Примерами «неуспешной» этнокультурной адаптации могут считаться такие явления, как ассимиляция, для которой характерна утрата культурных особенностей и самосознания одной из этнических групп, и изоляция, как процесс «отдаления» от культурной идентичности. Следует отметить, что на современном этапе данный процесс изменений не был закончен. Новым импульсом продолжения освоения тюркских языков стал факт обретения ими статуса государственных, после развала СССР и образования суверенных государств - Республики Казахстан и Киргизской Республики и этот факт, безусловно, влечёт за собой дальнейший процесс названных явлений.

Список литературы

Гарин С. Миланфан: долина риса. Очерк. Новый мир: литературно-художественный и общественно-политический журнал // Орган Союза советских писателей СССР, 1952. XXVIII № 6 Июнь. С. 139-167.

Джон А.А. Обычаи, обряды, поверья дунган Центральной Азии. Бишкек: Илим, 2016. 200 с.

Дин Хун. Хуэйцзу Китая и особенности их языка // Диалог учёных на Великом Шёлковом пути. Бишкек, 2002. С. 76–77.

Дунгане: история и культура: российские дореволюционные работы о дунганах / сост. М.Р. Мадиван; отв. ред. О.И. Завьялова; Ин-т восточных рукописей (Азиатский Музей) РАН; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука Вост. лит., 2017. 335 с.

Зеланд Н. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. Омск. 1888. 212 с.

Имазов М. Дунганская энциклопедия. Бишкек: Илим, 2009. 475 с.

Интервью с дунганскими мигрантами 1950х-1960х годов. Весна, лето 2021.

Линь Гань. Об этногенезе дунган // Советская этнография. 1954. №1. С. 46.

Маджун-Мусарова Д.С. Исламское образование у дунган Кыргызстана и Казахстана: прошлое и настоящее. Мир ислама Азии и Африки: исторические традиции и современность. Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 1. С. 39-56.

Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. (Губернские итоги). Т.51-89. С-Петербург: 1903-1905. http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=871

Поярков Ф.В. Последний эпизод дунганского восстания (Маленькая страничка из прошлой жизни Семиречья). Верный, 1901. 37с.

Поярков Ф. Дунгане (Свадьба-сифур). Верный: б.и., 1907.

Решетов А. Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической солидарности // Этническая история народов Азии / Отв. ред. С.М. Абрамзон, Р.Ф. Итс. М.: Наука, 1972. С. 137-149.

Савуров М. Дунганская семья: прошлое и настоящее. Ташкент. 2007. 142 с.

Селицкий И. Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы (Экономическо-этнографические очерки и бытовая жизнь Жаркентских таранчей и дунган) // Дунгане. Казань: типолит. Ун-та, 1905. 82 с.

Стратанович Г. Дунганский народ Киргизской ССР // Рукописный фонд отдела социальных наук Национальной академии наук Казахстана. Рукопись. Инв. № 152. Алма-Ата. 1950.

Сушанло М. Дунгане (историко-этнографический очерк). Фрунзе: Илим, 1971. 363 с.

Токаев К. Обращение К. Токаева по случаю Дня памяти жертв политических репрессий и голода. <https://www.primeminister.kz/ru/news/obrashchenie-k-tokaeva-po-sluchayu-dnya-pamyati-zhertv-politicheskikh-repressiy-i-goloda-314476>

Толстов С. (ред.) Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. М.: Академия наук, 1963. 768 с.

Федоров Д. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Т. I. Ташкент: издание Штаба Туркестанского военного округа, 1903. 299 с.

Цибузгин В., Шмаков А. Заметка о жизни дунган селения Каракуруз Пишпекского уезда Семиреченской области // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1909. № 4.

Berger P. and Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Penguin Books. 1966. 247 p.

Cameron S. The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. Cornell University Press. 2018. 294 p.

Clark W. and Kamalov A. Uighur migration across Central Asian frontiers. Central Asian Survey, 23(2). 2004. P. 167-182.

Ding H. A Comparative Study on the Cultures of the Dungan and the Hui Peoples, Asian Ethnicity, 2005. №6/2. P.135-140.

Imyarova Z. Peculiarities of Traditional Marriage Rituals of the Dungan Diaspora: A Comparative-Historical Analysis // Nationalities Papers. 2019. 47: 3, P. 492-505

Schatz E. Framing Strategies and Non-Conflict in Multi-Ethnic Kazakhstan // Nationalism and Ethnic Politics. 2000. №6/2. P. 71-94.

References

Garin S. Milyamfan: dolina risa. (Milyanfan: valley of rice). Oчерk. Novy Mir: Lieraturno hudozhestveniy I obshchestveno-politicheskiy zhurnal // Organ soyuza sovetskih pisatelei, Novy Mir: Literary-artistic and socio - political journal // Body of the Union of Soviet Writers of the USSR, 1952. XXVIII No. 6. 1952. [In Russian].

Dzhon A.A. Obychai, obryady i poer'ya dungan Tscentralnoi Azii. (Customs, rituals, beliefs of the Dungans of Central Asia). Bishkek: Ilim, 2016. [In Russian].

Ding Hong. Huezu Kitaya i osobennos ih yazyka. (The Huizu of China and the peculiarities of their language) // Dialog uchenyh na velikom shelkovom puti. // The dialogue of scholars on the Great Silk Road. - Bishkek 2002. [In Russian].

Dungane: istoriya i kultura: rossiiskie dorevolucionnye raboty o dunganah. (Dungans: history and culture: Russian pre-revolutionary works on the Dungans) / comp. M.R. Madivan; ed. by O.I. Zavyalov; Institute of Oriental Manuscripts (Asian Museum) RAS; Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. M.: Nauka-Vostochnaya lit., 2017. [In Russian].

Zeland N. Kashgaria i perevaly Tyan Shanya. (Kashgaria and the passes of the Tien Shan). Omsk. 1888. [In Russian].

Imazov M. Dunganskaya enciklopediya. (Dungan Encyclopedia). Bishkek: Ilim, 2009. [In Russian].

Interview s dunganskimi migrantami 1950h-1960h godov. (Interviews with Dungan migrants of the 1950s-1960s). [In Dungan].

Lin Gan. Ob etnogeneze Dungan. (About the ethnogenesis of Dungan) // Soviet ethnography. 1954. №1. [In Russian].

Majun-Musarova D. S. Islamkoe obrazovanie u Dungan Kyrgyzstana i Kazakhstana: proshloe i nasoyascheye. (Islamic education among the Dungans of Kyrgyzstan and Kazakhstan: Past and Present. Mir islama Azii i Afriki: istoricheskie tradicii i sovremenost. Islam v sovremenom mire). The world of Islam in Asia and Africa: Historical traditions and modernity. Islam in the modern world. 2017. Volume №13/1. [In Russian].

Pervaya Vseobschaya perepis' naseleniya rossiiskoi imperii v 1897. (The first General Population Census of the Russian Empire in 1897). Table XIII. Distribution of the population by native language. (Provincial results). Vol. 51-89. St. Petersburg: 1903-1905. [In Russian].

Poyarkov F. Posledniy epizod dunganskogo vostaniya. (Malen'kaya stranica iz proshloi zhizni). (The last episode of the Dungan uprising (A small page from the past life of Semirechye). Verny: B. I., 1901. [In Russian].

Poyarkov F. V. Svatovstvo (Shim-i) u dungan. (Matchmaking (Shem-miy) at Dungan // Ethnographic review. 1903. № 2. [In Russian].

Reshetov A. Ob etnicheskom svoebrazii huei i urovne ih etnicheskoi solidarnosti. (On the ethnic identity of the Hui and the level of their ethnic solidarity) // Ethnic history of the peoples of Asia / Ed. S. M. Abramzon, R. F. Its. M.: Nauka, 1972. [In Russian].

Savurov M. Dungansaya sem'ya: proshloe i nastoyascheye. (Dungan family: past and present). Tashkent: 2007. [In Russian].

Selitsky I. Kuldzhinskiye resettsii pogranichnoy s Kitayom poloski (Ekonomicheskoe-ethnograficheskie ocherki i domashnaya zhizn Zharkentskikh taranchi i dungan) (Kuldja settlers near China borders) (Economic and ethnographic essays and everyday life of the Zharkent Taranches and Dungans). [In Russian].

Stratanovich G. Dungan Kirgiskoi SSR. (Dungan people of the Kirghiz SSR) // Handwritten Fund of the Department of Social Sciences of the National Academy of Sciences of Kazakhstan. Manuscript. Inv. No. 152. Alma-Ata. 1950. [In Russian].

Sushanlo M. Sem'ya i semeinaya zhisn' dungan. (Family and dungan's family life). Frunze: Ilim, 1979. [In Russian].

Tokayev K. Obrashchenie-k-tokaeva-po-sluchayu-dnya-pamyati-zhertv-politicheskikh-repressiy-i-goloda. (Tokayev's Message on memory day of political repression and hunger victims). 31 May. 2021. [In Russian].

Tolstov S. Narody Cenral'noi Azii i Kazakhstana. (The peoples of Central Asia and Kazakhstan). Vol. 2. M.: Academy of Sciences, 1963. [In Russian].

Fedorov D. Opyt voenogo statisticheskogo opisaniya Iliiskogo kraya. (Experience of the military-statistical description of the Ili region). Vol. I-II. Tashkent: izdanie Shtaba Turkestanskogo voennogo okruga, 1903. [In Russian].

Tsibuzgin V., Shmakov A. Zametka o zhizni dungan seleniya Karakunuz Pishpekskogo uyezd Semirechenskogo oblasti (Russian note on the life of the Dungan village of Karakunuz in the Semirechensk region). Zapiski Semipalatinsk sub-department of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society. 1909. №4. [In Russian].

Berger P. and Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Penguin Books. 1966. [In English].

Ding H. A Comparative Study on the Cultures of the Dungan and the Hui Peoples, Asian Ethnicity, 2005. №6/2. [in English].

Imyarova Z. Peculiarities of Traditional Marriage Rituals of the Dungan Diaspora: A Comparative-Historical Analysis // Nationalities Papers. 2019. 47/3. [in English].

Schatz E. Framing Strategies and Non-Conflict in Multi-Ethnic Kazakhstan // Nationalism and Ethnic Politics. 2000. Vol. 6. No. 2. P. 71-94. [In English].

**МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS**

**ДЕРЕКТАНУ ЖӘНЕ ТАРИХНАМА
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
SOURCE STUDING AND HISTORIOGRAPHY**

- Әбсадық А.А., Қабылдинов З.Е., Арықбаева Ж.
А. ВАСИЛЬЕВТИҢ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РУССКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ» АТТЫ ЕҢБЕГІНІҢ ТАРИХИ ДЕРЕКТІК
ЖӘНЕ ТАНЫМДЫҚ МӘН-МАҢЫЗЫ (ОЧЕРКТИҢ І БӨЛІМІ БОЙЫНША).....5
- Нартбаев Ш.Ж., Қабыл А.Ә., Мамраймов С.Д.
ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҰЛТ-АЗАТТЫҚ ҚОЗҒАЛЫСТАР ТАРИХЫН (XVIII-XIX ҒАСЫРЛАР)
ЗЕРТТЕУДІҢ ЖӘНЕ ОҚЫТУДЫҢ МАҢЫЗЫ, ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....16
- Мақсұтова А.Ә., Кумеков Б.Е., Апашева С.
М.Х. ДУЛАТИ ЖӘНЕ ОНЫҢ «ТАРИХ-И РАШИДИ»
ЕҢБЕГІ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІ МЕН ҚАЗАҚСТАН ТАРИХНАМАСЫНДА.....26

**ОРТА ҒАСЫРЛАР ТАРИХЫ
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ
MEDIEVAL HISTORY**

- Уткирбай Ағатай
КОПЬЯ И ПИКИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА КАЗАХОВ (НОГАЙЛИНСКИЙ ЦИКЛ).....36
- Маргулан А.С.
АНАЛИЗ ВОСТОЧНЫХ ЛЕТОПИСЕЙ XIV-XVI ВВ.
ПО ГЕНЕАЛОГИИ ЧИНГИСХАНА И ЭМИРА ТИМУРА.....45
- Кутулуков Ш.П.
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА
КОЧЕВЫХ УЗБЕКОВ В КОНТЕКСТЕ КОНСТРУКТИВИЗМА.....56
- Лапин Н.С.
СУЛТАН УРАЗ-МУХАММЕД И КАЗАХСКО-РУССКИЕ ПОСОЛЬСКИЕ
СВЯЗИ В КОНЦЕ XVI В. (ПО МАТЕРИАЛАМ РҒАДА).....65

**ЖАҢА ЗАМАН ТАРИХЫ
НОВАЯ ИСТОРИЯ
NEW HISTORY**

- Torlanbayeva K.
COLONIAL RUSSIA'S POLICY TOWARDS ISLAM IN KAZAKHSTAN
(BASED ON THE MATERIALS OF THE ORENBURG STATE ARCHIVE).....76
- Ахмет А.К., Шотанова Г.А., Ужкенов Е.М., Ермекбаев А.А.
ЖӨҢГІР ХАН: КҮНГЕЙ МЕН КӨЛЕҢКЕ БЕТТЕРІ.....81
- Әпендиев Т.Ә.
ҚАЗАҚ ТАРИХЫНДАҒЫ КЕНЕСАРЫ ХАННЫҢ БАТЫРЛЫҚ ТҮЛҒАСЫ.....91
- Kaumen D.I., Sadykov T.S., Maxutova A.A.
NATIONAL HUMAN CAPITAL IN KAZAKHSTAN AT THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY: STUDY OF THE ACTIVITIES OF THE ALASH INTELLIGENCE.....99

**КЕҢЕС ДӘУІРІ ТАРИХЫ
ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА
SOVIET PERIOD HISTORY**

- Кабульдинов З.Е., Оралова А.А., Тылахметова А.С.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ С. САДУАКАСОВА.....107
- Капаева А.Т.
КЕҢЕС ӨКІМЕТІНІҢ «ӘСКЕРИ КОММУНИЗМ»
ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АЗЫҚ-ТҮЛІК САЯСАТЫ.....117
- Мусағалиева А.С.
ЧИСТКА КОЛХОЗОВ ОТ «БАЙСКО-КУЛАЦКОГО ЭЛЕМЕНТА...»:
РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В
ТЕЛЬМАНОВСКОМ РАЙОНЕ КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1932-1933 ГГ.....125
- Мұқтар Ә.Қ., Ахметова У., Жумабаев А.
ПРОРВА-АСТРАХАНЬ ЛАГЕРЛЕРІ ТАРИХЫ АРХИВ ДЕРЕКТЕРІНДЕ (1932-1950 ЖЖ.).....136
- Қозыбаева М.М., Құдайбергенова А.И., Байдалы Р.Ж.
ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ 1921-1922 ЖЫЛДАРДАҒЫ АШАРШЫЛЫҚ ЖӘНЕ
ОНЫҢ ЗАРДАПТАРЫ (СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАН МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ).....149
- Хайдаров Е.Е.
ОРАЛ ГУБЕРНИЯСЫНДАҒЫ АШАРШЫЛЫҚ (1921-1922 жж.).....157
- Конкабаева А.Н., Мурзаходжаев К.М.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ГОЛОДА В КАЗАХСТАНЕ В 1921-1922 ГОДАХ:
В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ И ПИСЬМЕННЫХ МАТЕРИАЛАХ.....166
- Мухамбетғалиева А.К.
ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946-1953).....172
- Аманбекова Н.Д., Бакирова Ж.С.
1925-1991 ЖЫЛДАРДАҒЫ ЗАЙСАН ҚАЛАСЫНЫҢ
ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ, МӘДЕНИ ДАМУЫ: ТАРИХИ ТАЛДАУ.....182

**САЯСИ ТАРИХ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
POLITICAL HISTORY**

- Борбасов С.М., Жүнісова Б.Н.
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ СЫРТҚЫ САЯСАТТАҒЫ БАСЫМДЫҚТАРЫ:
ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ ЖӘНЕ НЕГІЗГІ МӘСЕЛелЕРІ.....191

**ЭТНОЛОГИЯ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯ
ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
ETHNOLOGY AND ARCHEOLOGY**

- Ақымбек Е.Ш., Железняков Б.А.
АНТИКАЛЫҚ ЖӘНЕ ЕРТЕ ОРТА ҒАСЫРЛАРДАҒЫ
ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОЙМЫШТЫ ТАС МӨРЛЕРІ.....204
- Тұяқбаев М.Қ., Түрсүн Х.М., Исаев М.С., Байболов Б.Қ., Шаметов С.Т.
ҚОЖА АХМЕТ ЯСАУИ КЕСЕНЕСІ МАҢЫНДАҒЫ ҮЛКЕН «ҚЫЛУЕТ»
ЖЕРАСТЫ МЕШТІНІҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕЛУІ.....213
- Утубаев Ж.Р.
АНТИЧНЫЕ ПОСЕЛЕНИЕ БАЛАНДЫ.....222

Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А., Морякова М.Т.
ФЕНОМЕН ОСЕДЛОЙ КУЛЬТУРЫ В КОЧЕВОЙ СРЕДЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДИЩА АКТОБЕ).....230

Имярова З.С., Джон А.А.
ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА ТРАДИЦИОННУЮ
КУЛЬТУРУ КИТАЙСКИХ МУСУЛЬМАН (ДУНГАН) В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....239

**ЕСКЕ АЛУ
ПАМЯТЬ
MEMORY**

Мұқаметханұлы Н.
АКАДЕМИК МАНАШ ҚОЗЫБАЕВ - ТӘУЕЛСІЗДІК САНАНЫҢ ЖАРШЫСЫ
(ҒАЛЫМНЫҢ 90 ЖЫЛДЫҒЫНА).....248

Алимгазинов К.Ш.
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ВКЛАД Б.М. СУЖИКОВА В РАЗВИТИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО).....252

**ҒЫЛЫМИ ӨМІР
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
SCIENTIFIC LIFE**

ТОРЖЕСТВЕННОЕ МЕРОПРИЯТИЕ ПО ВРУЧЕНИЮ НАГРАД – ОСНОВОПОЛОЖНИКУ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КАЗАХСТАНЕ ОРАЗАКУ ИСМАГУЛОВУ
И ВИДНОМУ АНТРОПОЛОГУ АЙНАГУЛЬ ИСМАГУЛОВОЙ.....256

Әлімғазы Дәулетхан
АКАДЕМИК ОРАЗАҚ СМАҒҰЛОВ ТАҒЫЛЫМЫ.....258

Басуға 23.12.2021 қол қойылды
Шартты баспа табағы –12,5
Офсеттік басылым
Таралымы 150 дана.

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты, «Отан тарихы»
журналының редакциясында басылды